

К. В. АЙВАЗЯН

О «ПУТЕШЕСТВИИ В АРЗРУМ» ПУШКИНА

(Пушкин и Армения)

1

Одним из значительных эпизодов творческой биографии Пушкина является его поездка в 1829 году на Кавказ, в действующую армию Паскевича, его участие во взятии Арзрума и написание в этой связи очерков «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» и некоторых стихотворений.

В пушкиноведении установилась традиция считать, что путешествие на Кавказ было предпринято Пушкиным исключительно в силу тяжелых обстоятельств личной жизни: в марте 1828 года началось следствие по распространению стихотворения «Андрей Шень», затем в июне—июле — расследование «по высочайшему повелению» о «Гавриилиаде», закончившееся установлением секретного надзора за поэтом, допросами и взятием подписки ничего не издавать без цензуры царя и III Отделения, лишением свободы передвижения. Ко всему этому присовокупляют и неудачное сватовство Пушкина к Н. Гончаровой.

Так, Е. Г. Вейденбаум, говоря о причинах поездки Пушкина на Кавказ, приходит к выводу о том, что «... окончательное решение бросить столицу и отправиться в Азию созрело в Пушкине внезапно, под влиянием того тревожного состояния духа, в котором находился в то время».¹

Ю. Тынянов в своей работе «О „Путешествии в Арзрум“»,² перечисляя указанные выше причины, утверждает, что Пуш-

¹ Сб. «Кавказская поминка о Пушкине», Тифлис, 1899, стр. 110.

² Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, кн. 2, Изд. Академии Наук СССР, 1936, стр. 57—73.

кину было безразлично, куда ехать — в Париж или на Кавказ, лишь бы вырваться из России, и в подтверждение приводит то место из «Путешествия в Арзрум», где, описав свой переезд через Арпачай, Пушкин восклицает: «Арпачай! наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакал к реке с чувством неизъяснимым. Никогда еще не видел я чужой земли. Граница имела для меня что-то таинственное: с детских лет путешествия были моею любимую мечтою. Долго вел я потом жизнь кочующую, скитаясь то по Югу, то по Северу, и никогда еще не вырывался из пределов необъятной России. Я весело въехал в заветную реку, и добрый конь вынес меня на турецкий берег. Но этот берег был уже завоеван: я все еще находился в России» (VIII, 463).

Объяснение, данное Ю. Тыняновым (как и другими авторами — Л. Гроссманом, А. Цейтлиным и другими) целям поездки Пушкина на Кавказ, совершенно неприемлемо. Пушкину приписывается сожаление, что ему не удалось вырваться за пределы России, выйти «на вольный простор иных стран, иных политических порядков», т. е. желание покинуть родину. Ю. Тынянов в упомянутой статье прямо говорит о том, что «недозволенная поездка Пушкина входит в ряд его неосуществленных мыслей о побеге» (58).

Но имеется и иная точка зрения на цели и характер поездки Пушкина на Кавказ, несколько дополняющая первую: объясняют поездку желанием увидеться с сосланными друзьями-декабристами и с младшим братом Львом Сергеевичем, служившим тогда в Нижегородском драгунском полку, квартировавшем в Кахетии. Основанием для такого объяснения поездки Пушкина служат:

1. Письмо Пушкина брату от 18 мая 1827 года, в котором поэт пишет: «Завтра еду в П. Б. «Петербург»... Из П. Б. поеду или в чужие края, т. е. в Европу, или во свояси, т. е. во Псков, но вероятнее в Грузию, не для твоих прекрасных глаз, а для Раевского».¹

2. Переписка между шефом жандармов Бенкендорфом и Пушкиным о причинах поездки на Кавказ в конце 1829 года. В ответ на запрос Бенкендорфа, что «государь император, узнав по публичным известиям, что Вы, милостивый государь, странствовали за Кавказом и посещали Арзрум, высочайше

¹ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XIII, Изд. Академии Наук СССР, 1949, стр. 329. — В дальнейшем цитируется это издание.

повелеть мне изволил спросить Вас, по чьему позволению приняли Вы сие путешествие», — Пушкин отвечал письмом от 10 ноября 1829 года:

«Генерал,

С глубочайшим прискорбием я только что узнал, что его величество недоволен моим путешествием в Арзрум...

По прибытии на Кавказ, я не мог устоять против желания повидаться с братом, который служит в Нижегородском драгунском полку и с которым я был разлучен в течение 5 лет. Я подумал, что имею право съездить в Тифлис. Приехав, я уже не застал там армии. Я написал Николаю Раевскому, другу детства, с просьбой выхлопотать для меня разрешение на приезд в лагерь. Я прибыл туда в самый день перехода через Саган-лу, и, раз я уже был там, мне показалось неудобным уклониться от участия в делах, которые должны были последовать; вот почему я проделал кампанию, в качестве не то солдата, не то путешественника.

Я понимаю теперь, насколько положение мое было ложно, а поведение опрометчиво; но, по крайней мере, здесь нет ничего, кроме опрометчивости. Мне была бы невыносима мысль, что моему поступку могут приписать иные побуждения» (XIV, 50—51, 397).

3. Вторая редакция предисловия к «Путешествию в Арзрум», где Пушкин писал:

«В 1829 году отправился я на Кавказские воды. В таком близком расстоянии от Тифлиса, мне захотелось туда съездить для свидания с братом и некоторыми из моих приятелей» (VIII, 2, 1024).

В пушкиноведении прочно установилась традиция — объяснять поездку Пушкина в действующую армию исключительно личными мотивами и совершенно обходить вопрос об отношении поэта к крупнейшим событиям русской истории после восстания декабристов — окончательному присоединению Закавказья к России, русско-персидской (1826—1827) и русско-турецкой (1828—1829) войнам. То, что при этом обычно ссылаются на свидетельства самого Пушкина в его письме к брату, на вторую редакцию предисловия к «Путешествию в Арзрум» или на переписку с Бенкендорфом, еще не дает исчерпывающего объяснения причин и цели поездки на Кавказ. Ведь при этом совершенно упускается из виду, что ни в письме к брату, ни тем более в предисловии к издаваемому «Путешествию», ни в объяснении шефу жандармов Пушкин, связанный обязательством «не противоречить своими мнениями» «общепринятому порядку», в условиях жесточайшей

николаевской реакции и не мог иначе объяснить причины своей поездки.

Для нас совершенно ясно, что изложенная выше трактовка поездки Пушкина на Кавказ связана с легендой о «нейтральности» Пушкина, о его отходе от политической жизни после событий 14 декабря 1825 года, о его примирении с самодержавием, о полном равнодушии поэта к событиям современности. Так, Ю. Тынянов видит в «Путешествии в Арзрум» «нейтралитет поэтического наблюдателя», «объективность рассказа, нейтральность авторского лица», говорит о том, что «герой „Путешествия в Арзрум“, авторское лицо, от имени которого ведутся записки, — никак не „поэт“, а русский дворянин, путешествующий по архаическому праву „вольности дворянской“, и вовсе не собирающийся „воспевать“ чьи бы то ни было подвиги».¹

Глубокое и богатое содержание «Путешествия» нередко сводится к меткости зарисовок быта и природы беспристрастным наблюдателем; даже в новейших работах, посвященных Пушкину, нигде специально не останавливаются на «Путешествии», считая это произведение лишь путевым дневником, заполненным описанием путевых впечатлений, случайных встреч и пр.

И это говорится о произведении поэта, которого горячий интерес к современности и патриотизм, передовая идейность и глубокое изучение действительности сделали основоположником новой русской литературы, величайшим мастером поэзии. Равнодушие и объективизм приписываются Пушкину, все творчество которого проникнуто свободолобием и гуманизмом, идеями борьбы за счастье народных масс.

Пушкин с братским сочувствием следил за борьбой славянских народов за свою самостоятельность и независимость, за национально-освободительной войной греков против турецких поработителей, откликнулся на все события международной жизни. Не беспристрастным наблюдателем, а активным борцом выступал он в политической жизни страны, насыщая свои произведения важнейшими проблемами современности. Только рассматривая в целом все содержание деятельности, мировоззрения и творчества Пушкина, можно правильно понять и вскрыть истинные причины поездки поэта на Кавказ, раскрыть идейное содержание произведений, связанных с этим моментом биографии великого поэта. Порочность работ, посвящен-

¹ Ю. Тынянов, ук. статья, стр. 60, 67, 68.

ных «Путешествию в Арзрум» и поездке Пушкина на Кавказ, состоит в том, что в них не учитывается реальная, конкретно-историческая обстановка того времени, когда было совершено путешествие поэта в действующую армию и когда было написано «Путешествие в Арзрум». В 1826—1827 и в 1828—1829 годах присоединением Восточной Армении завершилась более чем вековая война России с Турцией и Персией за Закавказье.

Освобождение народов Закавказья от ига персидско-турецкой тирании не могло пройти незамеченным и не вызвать патриотического отклика, патриотической гордости за Россию у великого гения русского народа. Таким откликом и явилось «Путешествие в Арзрум», некоторые стихотворения и личное участие поэта в 1829 году в легкой кампании русско-турецкой войны. Великим патриотом, а не «нейтральным наблюдателем» выступил Пушкин в своем «Путешествии». Он нарисовал исторически верную картину войны, показал ее подлинных героев, отдал дань восхищения героическим действиям не только русской армии, но и местных жителей — армян, грузин, азербайджанцев. Пушкин сумел понять отношение закавказских народов к России, дать объективно верную оценку такого важного исторического события, как присоединение Армении к России в 1828 году.

Сама поездка на Кавказ, в Армению, где уже много лет доблестно сражалась русская армия, отнюдь не носила случайного характера, она стояла в общем плане творческих интересов Пушкина. Будучи патриотом, гениальный поэт был подлинным другом народов своей страны и всего мира, ибо в Пушкине и в его творчестве нашли свое выражение лучшие черты великого русского народа.

Пушкин был другом и армянского народа. Он глубоко интересовался судьбами Армении, посвятив знаменательному для армянского народа событию — освобождению от вековой тирании персов и турок и присоединению к России — свое гениальное «Путешествие в Арзрум».

2

Повидимому, впервые Пушкин услышал об Армении в очень ранние годы — в период своего детства, когда он через няню Арину Родионовну и дворовых людей познакомился с древнерусской повестью о Бове-королевиче, перешедшей в виде сказки в устное народное творчество.

В стихотворении «Сон» Пушкин вспоминает «о мамушке своей», рассказывавшей ему «о мертвецах, о подвигах Бовы». В повести, которую Пушкин слушал в детстве, говорится о том, как Бова-королевич, спасаясь от преследований отчима и матери, прибывает в Армянское царство, где совершает ряд подвигов. В него влюбляется дочь армянского царя Зензевей — красавица Дружневна. Бова женится на ней, у них рождаются два сына-богатыря и т. д.

Пушкин, как и до него Радищев, заинтересовался этим сюжетом и возвращался к нему неоднократно: в 1814, затем в 1822 и, наконец, в 1834 году.

Наброски пушкинской поэмы о Бове близки к народной сказке, изображение армянского царства выдержано в обычном сказочном стиле:

<II>

За чем раздался гром войны
Во славном царстве Зензевей
Поля и села зажжены —

Или черновые варианты набросков:

<III>

В Армении в палаты Зензевей.
Съезжаются могучие цари
Царь Зензевей их ласково встречает
За пышные столы свои сажает
И с ними добрый Зензевей
Пирует ровно сорок дней.¹

Первые реальные сведения об Армении Пушкин получил в лицейские годы. Читая «Письма русского путешественника» и «Историю государства Российского» Карамзина, изучая древнерусские летописи, Киево-печерский патерик и книги по истории России, Пушкин встречался с упоминаниями о прошлом Армении и армянского народа. Можно предположить, что мимо внимания Пушкина не прошла еще одна книга, вызвавшая интерес в критике, — это изданная в 1813 году в Петербурге «Жизнь и приключения Артемия Араратского», в которой впервые в русской литературе нашла свое отображение тема Армении.

¹ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. V, Изд. Академии Наук СССР, 1948, стр. 156, 503.

В лицейские же годы Пушкин познакомился и сблизился с рядом лиц из армяно-грузинской колонии в Петербурге. В среде гусаров гвардейского полка, квартировавшего в Царском селе после возвращения из заграничных походов против Наполеона, у Пушкина были большие друзья — Н. Раевский, П. Чаадаев, П. Каверин и другие. В этом же полку служили армяне — братья Лазаревы и Давид Абамелек. В доме последнего Пушкин, уже после окончания лицея, бывал, повидимому, несколько раз, о чем сам поэт вспоминал позже в своем литературном посвящении А. Д. Абамелек: ¹

Когда-то (помню с умилением)
Я смел вас нянчить с восхищеньем,
Вы были дивное дитя.
Вы расцвели — с благоговеньем
Вам ныне поклоняюсь я.
За вами сердцем и глазами
С невольным трепетом ношусь
И вашей славою, и вами,
Как нянька старая, горжусь.

Дружба с Д. Абамелек (семья которого, как это видно из списка посетителей лицея от 11 июля 1815 года, посещала лицей), знакомство с Лазаревыми не могло не привести к знакомству Пушкина с героическими подвигами многих сынов армянского народа, сражавшихся в Отечественной войне 1812—1814 годов на стороне России против Наполеона. Это тем более кажется вероятным, что, кроме таких известных армян, героев Отечественной войны, как генерал Мадатов, Дельянов, Меликов и другие, сами Абамелеки и Лазаревы отличились в войне и генерал Иван Семенович Абамелек был награжден многими орденами. А известно, что молодой Пушкин проявлял большой интерес ко всем событиям войны; он с молодых лет жил славой и подвигами победителей Наполеона и жалел, что не разделил их воинских подвигов.

Если в лицее и в Петербурге круг знакомых армян Пушкина состоял в основном из военных, то в период южной ссылки поэта этот круг сильно изменился. Пушкин был знаком с чиновником Артемием Худобашевым, с которым находился

¹ Княжна Анна Давыдовна Абамелек родилась 3 апреля 1814 года. В 1835 году она вышла замуж за брата Е. А. Баратынского — Ираклия Абрамовича Баратынского. Ей посвящали стихи поэты И. И. Козлов, кн. П. А. Вяземский, И. П. Мятлев. А. Д. Абамелек известна как переводчица русских поэтов на иностранные языки. Она переводила на французский язык произведения Пушкина, Козлова, Лермонтова, Некрасова и других (Ю. Н. Верховский. Е. А. Баратынский. Материалы к его биографии. Пгр. 1916).

в дружеских отношениях, и интересовался жизнью и бытом армян-ремесленников, торговцев, содержателей трактиров и т. д.

К периоду кишиневской ссылки относится рисунок Пушкина карандашом с надписью чернилами: «12 Апрель»¹ (3 день пасхи), датируемый 1821 годом. Рисунок сложной композиции, изображает групповой портрет армян и молдаван в церкви.

Тогда же было написано стихотворение «Христос воскрес, моя Ревекка», которое Б. В. Томашевский сближает с «Гаврииладой». Нужно заметить, что в советском литературоведении высказывалось мнение о том, что сюжет «Гавриилады» мог быть подсказан Пушкину апокрифической армянской повестью, очевидно, бывшей ему известной из бесед с армянами. Сам поэт заявляет в «Гаврииладе»:

Но говорит армянское преданье.

У Пушкина имеется запись: «18 июля. 1821 известие о смерти Наполеона, бал у армянского архиепископа 1821».² По сообщению Габриеля Айвазовского, архиепископ, о котором упоминает Пушкин, был Григорий Захарьянов.³ Имеются сведения о том, что Пушкин часто бывал в армянской семье Акоповых.

Как верно замечает И. Ениколофьян в своей статье «Пушкин в Армении»,⁴ из ряда отрывочных сведений и косвенных намеков видно, что в 20-х годах Пушкина влекли к себе больше всего южные границы Кавказа, т. е. Восточная Армения, ибо в эти годы первоочередной задачей России было присоединение Эриванского и Нахичеванского ханств. Естественно, что в своих беседах с одним из активных участников военного похода — генералом Раевским Пушкин многое мог узнать о Кавказе, о его народностях.

В период южной ссылки особое внимание поэта привлекают события, связанные с борьбой греческого народа прогив деспотической Турции. Черновое письмо к В. Л. Давыдову, написанное в первой половине марта 1821 года, начинается так:

«Уведомляю тебя о происшествиях, которые будут иметь следствия, важные не только для нашего края, но и для всей Европы. Греция восстала и провозгласила свою свободу» (XIII, 22).

¹ Рукою Пушкина. Изд. «Academia», 1935, стр. 394.

² Там же, стр. 292.

³ «Записки Одесского общества истории и древностей», IX, стр. 163.

⁴ «Граканютюн ев арвест», 1949, № 6.

Он подробно перечисляет в письме все события, отмечает тот подъем, который охватил все общество, говорит о зверствах и притеснениях, грабительстве турецких начальников. Одно из первых стихотворений Пушкина в Кишиневе «Дочери Карагеоргия» посвящено герою национальной борьбы балканских славян, «воину свободы», павшему жертвой турецких тиранов. С горячим сочувствием следит Пушкин за ходом национально-освободительной борьбы народов Балканского полуострова, восставших против турецкого ига. Пушкин прекрасно понимает ту роль, которую должна была сыграть Россия в освобождении поработенных Турцией народов. Он пишет в своем письме В. Л. Давыдову: «Важный вопрос: что станет делать Россия: займем ли мы Молдавию и Валахию под видом миролюбивых посредников; перейдем ли мы за Дунай союзниками греков и врагами их врагов?» (XIII, 24).

Когда прошел слух, что русская армия выступила на поддержку греков, Пушкин сразу же загорелся желанием участвовать в битвах за свободу.

Война... Подъяты наконец,
Шумят знамены бранной чести!
Увижу кровь, увижу праздник мести;
Засвищет вокруг меня губительный свинец.
И сколько сильных впечатлений
Для жаждущей души моей.
Стремленье бурных ополчений,
Тревоги стана, звук мечей,
И в роковом огне сражений
Паденье ратных и вождей!
Предметы гордых песнопений
Разбудят мой уснувший гений!

(«Война»)

В черновых записях поэта сохранились набросок поэмы на тему о восстании греков и подробные записи хода национально-освободительной борьбы. Эти впечатления позже нашли свое отражение в повести «Кирджали» (1834).

В письме к В. Л. Давыдову (1823—1824) Пушкин прямо говорит о том, что «греки между европейцами имеют гораздо более вредных поборников, нежели благоразумных друзей. Ничто еще не было столь *народно*, как дело греков...» (XIII, 104).

Подчеркнутая Пушкиным народность дела греков и то, что не от европейцев придет освобождение греков (как и других угнетенных восточными деспотиями народов), еще раз показывает, как глубоко понимал великий поэт историческую спаси-

тельную миссию русского государства, и бросает свет на дальнейшее отношение Пушкина к вопросу о присоединении Армении к России.

3

Русско-персидская (1826—1828), а затем русско-турецкая (1828—1829) войны, блестящие победы русской армии, приведшие к освобождению Восточной Армении из-под ига персидских и турецких сатрапов и присоединению Восточной Армении к России, ссылка в действующую армию декабристов с приговором «кровью заслужить прощение», их активное участие в обеих войнах, — все это усилило и без того имевшийся в русском обществе интерес к Закавказью, и в частности к Армении.

В русских журналах и газетах того времени появляется ряд статей об Армении. Так, в журнале «Вестник Европы» (за которым Пушкин следил еще с лицейской скамьи) в ноябре 1823 года печатается статья «О побудительных причинах заниматься армянским языком», в 1824 году печатается небольшая статья Давида Арзанова «Замечания об Армении и армянах». Во всей современной Пушкину периодической печати широко освещаются все события войны.

Наряду с этим издавались отдельные книги русских и иностранных путешественников о Закавказье и Армении, исторические очерки об Армении. Еще в 1786 году Вагановым была переведена на русский язык изданная А. Шамиряном в Индии книга «Краткое описание царства Армянского»; в 1809 году был переведен исторический труд отца армянской историографии М. Хоренского; в 1818 году Ал. Худабашян (брат приятеля поэта в южной ссылке Артемия Худабашяна) переводит с французского книгу Шаган-Джерпетяна «Любопытные извлечения из древней истории об Азии»; в Москве в 1826 году издается книга Я. и Д. Арзановых «Опыт начертания истории царства Армянского»; в 1829 году выходят книги: Вальша «Путешествие по Турции», Н. Н. «Записки во время поездки из Астрахани на Кавказ и Грузию в 1827 году», И. Дебу «О кавказской линии и о соседственных горских народах» и другие.

В самой русской литературе появляется ряд произведений, посвященных Армении. Как мы уже упоминали, в 1813 году в Петербурге издается «Жизнь и приключения Артемия Аратского». Брат близкого друга Пушкина — Федора Глинки — Сергей Глинка публикует «Две повести в стихах, почерпнутые

из древних армянских летописей» (М., 1831). Первая из них представляет собой обработку легенды о борьбе прародителя армян Гайка с завоевателем Белом за свободу и независимость отчизны. Гайк призывает друзей и сынов пойти в бой:

«За правое, святое дело,
За вольность наших жен, детей,
Душа пойдет сражаться смело;
Не отдадим страны своей!

Чем понести ярмо злодея,
Мы все умрем, иль победим!
Пойдем! И молнии быстрее
Врагов настигнем, поразим!»

В своих примечаниях С. Глинка подчеркивает свободоловие армянского народа, его любовь к русскому народу.

«Любя *родную*, или свободу отечественную, армяне и у могущественных калифов выговаривали право не быть никогда рабами их. И в наше время, т. е. 1828, переселяясь из прелестной Адербиджской персидской страны в новоустановленную область Армянскую, армяне-переселенцы говорили: „мы лучше хотим есть траву русскую, нежели хлеб персидский“» (45).

Вторая поэма С. Глинки «Ардоат или Адодад, спаситель Армении и отечества» также повествует о борьбе армян с грабителем и разорителем страны Неоптолемом.

Перу Глинки принадлежат и значительное историческое сочинение в двух частях «Обозрение истории армянского народа», а также труд «Описание переселения армян адербиджских в пределы России».

В «Обозрении истории армянского народа» Глинка возвеличивает героическое прошлое армянского народа, его культуру, отмечает воинственный дух народа, оборонявшего свою родину от врагов. «Оборона отечества, — писал он, — защита родной независимости, противоборствие покушениям внешнего насилия: вот главная цель их вооружений» (VII). И в этом своем труде, как и в «Описании переселения армян», С. Глинка подчеркивает преданность и любовь армянского народа к великому русскому народу.

Нельзя не отметить произведений современника Пушкина А. Ф. Мерзлякова об Армении, стихотворений и записок Д. Давыдова и, наконец, путевых записок А. С. Грибоедова, его плана трагедии на материале истории Армении и Грузии половины I века н. э. — «Радамист и Зенобия». Природа, люди, быт и нравы народов Закавказья нашли свое отражение

в творчестве поэтов-декабристов В. Кюхельбекера, Бестужева-Марлинского, А. Одоевского.

Большой интерес русского общества к Закавказью и Армении был исторически обусловлен и закономерен. Мы смело можем предположить, что все эти факты не могли пройти мимо Пушкина, исключительно внимательно следившего за всей отечественной литературой. Кроме того, имеются и неоспоримые свидетельства об основательном изучении Пушкиным современной ему литературы о Закавказье, и в частности об Армении. В библиотеке поэта имелась популярная в то время книга С. Броневского «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе»; в «Путешествии в Арзрум» поэт ссылается на Турнфора — известного ботаника и путешественника по Малой Азии и Закавказью, цитируя его труд «Relation d'un voyage du Levant» (Амстердам, 1718) при описании Арзрума, а также роман Морье «The adventures of Hadji Baba of Ispahan» (1824), переведенный позднее на русский язык Сенковским; из «Путешествия гр. И. Поттоцкого» Пушкин заимствует «свидетельство Плиния» о Дарьяле и Кавказских вратах, использует (не называя) «Путешествие кавалера Гамба в Кавказскую область»,¹ при описании природы Армении вспоминает оду Горация «К Вальгию»:

И берега Армении, мой друг Вальгий,
Не круглый год закованы в неподвижный лед.

Приехав в Закавказье, Пушкин не переставал проявлять глубокий интерес как к прошлому, так и к настоящему этого края. «В Тифлисе, — пишет он в «Путешествии в Арзрум», — пробыл я около двух недель, и познакомился с тамошним обществом. Санковский, издатель Тифлиссских Ведомостей, рассказывал мне много любопытного о здешнем крае, о князе Цицианове, об А. П. Ермолове и проч. Санковский любит Грузию и предвидит для нее блестящую будущность.

Грузия прибегнула под покровительство России в 1783 году, что не помешало славному Аге-Мохамеду взять и разорить Тифлис и 20 000 жителей увести в плен (1795 г.). Грузия перешла под скипетр императора Александра в 1802 г. Грузины народ воинственный. Они доказали свою храбрость под нашими знаменами».

До поездки на Кавказ Пушкин многое мог узнать и при встречах с друзьями, прибывшими с театра военных действий и вообще из Закавказья.

¹ Ю. Тынянов, ук. статья, стр. 69—70.

Пушкин неоднократно встречался с Д. Давыдовым после его возвращения из Армении, как и с Грибоедовым, когда тот весной 1828 года приехал в Петербург с текстом Туркманчайского мирного договора. «Это один из самых умных людей в России, — говорил Пушкин о нем Ксенофону Полевому. — Любопытно послушать его».¹ В доме издателя «Отечественных записок» Грибоедов в присутствии Пушкина читал отрывки из своей трагедии «Грузинская ночь», а в мае того же года Грибоедов слушал чтение «Бориса Годунова» Пушкиным.

Грибоедов делился впечатлениями о Закавказье со своими знакомыми; он был увлечен широкими планами переустройства этого края. Через Грибоедова на службу на Кавказ были приглашены многие хорошие знакомые и друзья Пушкина — Никита Всеволожский, Ф. Хомяков, З. Грубер, И. Мальцев, Е. Чилыев, П. Завилейский и другие.

Но Пушкина Грибоедов мог интересовать особенно и потому, что тот участвовал во всей персидской кампании, побывал в тех же сражениях, что и брат поэта Лев, в частности, в том самом Джеванбулакском бою, за участие в котором Лев Сергеевич получил свой первый офицерский чин.

Для Пушкина, в течение года уже собиравшегося в Армению, Грибоедов был неоценимым источником сведений, человеком, хорошо знавшим не только историю, но и современное положение Армении, давшим яркое описание природы Армении в своих «Путевых записках», и, самое главное, человеком, прекрасно осведомленным о положении дел на Востоке и в Кавказской армии. О том, что содержанием бесед Пушкина с Грибоедовым были события на Востоке, говорит и запись поэта о прощании с Грибоедовым: «Он был печален, и имел странные предчувствия. Я было хотел его успокоить; он мне сказал: „*Vous ne connaissez pas ces gens-là: vous verrez, qu'il faudra jouer des couteaux*“ (Вы еще не знаете этих людей; вы увидите, что дело дойдет до ножей)». (VIII, 460—461, 1069) Эта запись свидетельствует о том, что Пушкин интересовался событиями персидской войны, ибо слова Грибоедова прямо касались вероломства персов.

Ко времени встреч с Грибоедовым относится поданное Пушкиным совместно с Вяземским прошение о зачислении в армию, отклоненное царем.

В свете всего сказанного становится понятным возникшее у Пушкина желание посетить Кавказ, Армению, места, где совершались важнейшие события русской истории. Но не-

¹ А. С. Грибоедов. Горе от ума. СПб., 1839, стр. XLI.

медленно выехать Пушкину не удалось. Сохранился ряд обращений поэта к царю, к шефу жандармов Бенкендорфу с просьбами о разрешении на выезд в действующую армию. Свое желание Пушкин выразил задолго до того, как начались расследования и допросы в связи с распространением стихотворения «Андрей Шень» и других. Таким образом, полностью отпадает тот тезис, что выезд на Кавказ был вызван исключительно личными причинами и тем более попыткой покинуть Россию.

Только в марте 1829 года, взяв подорожную до Тифлиса, выданную ему военно-губернаторской канцелярией, Пушкин выехал из Петербурга в Москву, с тем, чтобы оттуда продолжить путь на Кавказ.

Первое упоминание об этом встречаем в письме московского почтмейстера А. Я. Булгакова, знавшего обо всех событиях московской жизни: «Он едет в армию Паскевича, — писал Булгаков брату, — узнать все ужасы войны, послужить волонтером, может и воспеть это все».¹

Следом за Пушкиным отправлено было распоряжение шефа жандармов «о надлежащем продолжении за ним учрежденного с высочайшего утверждения секретного наблюдения».

1 мая 1829 года Пушкин, без разрешения царя, самовольно выезжает из Москвы в Закавказье. Из Москвы уже доводится до сведения «г. главнокомандующего в Грузии графа Паскевича Эриванского» о секретном надзоре,² а последний через своего начальника штаба 12 мая отдает указание тифлисскому военному губернатору Стрекалову «не оставить распоряжением... о надлежащем надзоре за ним по прибытии его в Грузию».³

Пушкин не откликнулся стихами на военные события. Письмо Паскевича Жуковскому полно упреков по адресу поэта за то, что его лира долго отказывалась «бряцать во славу подвигов оружия», что померкла «заря достопамятных событий Персидской и Турецкой войны».⁴ В инспирированной III Отделением статье платного агента полиции Булгарина говорилось:

«Итак, надежды наши исчезли. Мы думали, что автор Руслана и Людмилы устремился на Кавказ, чтоб напитаться высокими чувствами поэзии, обогатиться новыми впечатлениями и в сладких песнях передать потомству великие подвиги

¹ «Русский архив», 1901, кн. 3, стр. 298.

² Дела III Отделения с. е. и. в. канцелярии сб А. С. Пушкине. СПб., 1906, стр. 83, 84.

³ «Русская старина», 1880, январь, стр. 146.

⁴ «Русский архив», 1875, кн. 11, стр. 369.

русских современных героев. Мы думали, что великие события на Востоке, удивившие мир и стяжавшие России уважение всех просвещенных народов, возбудят гений наших поэтов, — и мы ошиблись!»¹

Откликом Пушкина на события войны явилось «Путешествие в Арзрум», но в нем описывались подвиги не тех «героев», которые нужны были Булгарину, а тех, о которых Пушкин открыто говорить не мог и прятал их имена под инициалами.

Думается, что все приведенные факты убеждают нас в том, что поездка Пушкина на Кавказ была связана с огромным интересом поэта к событиям войны с Персией и Турцией и присоединению Армении к России, что этой поездке предшествовало глубокое знакомство с ходом военных действий, с историей и современным положением Закавказья, и в частности Армении. Поездка на Кавказ давно стояла в плане творческих интересов Пушкина и отнюдь не была случайностью в его биографии.

4

25—26 июля 1826 года персы, подавив сопротивление малочисленных пограничных русских отрядов, вторглись в пределы уже присоединенных к России областей. Грабя и сжигая армянские селения, персы двинулись по направлению к Тифлису. Малочисленные русские войска и местное армянское население оказывали героическое сопротивление захватчикам. Так, в селении Малый Караклис, лежащем в 7—8 верстах от Гюмри (ныне Лениканан), небольшой казачий пост, поддержанный местными жителями, в течение нескольких часов самоотверженно защищался от превосходящих сил противника. 31 июля русские войска отступили из Гюмри, а затем из Бамбакской и Ширагельской провинций. Еще недавно цветущая Ширакская область превращена была персами в мертвую пустыню, город Гюмри — в груды развалин.

Проезжая через эти места спустя три года, Пушкин видел следы персидского вторжения. В «Путешествии» он отмечает, что на берегах Аракса «селения были пусты. Окрестная сторона печальна». А между тем когда-то эта равнина была житницей Востока, о чем, видно, Пушкин знал: «Я любовался прекрасной землею, коей плодородие вошло на Востоке в пословицу».

По дороге, не доезжая Гюмров, Пушкин ночевал на казачьем посту, затем он провел ночь в Гюмрах, а на обратном

¹ «Северная пчела», 1830, № 35, 22 марта.

пути из Арзрума три дня сидел в карантине в тех же Гюмрах. В альбоме Елизаветы Николаевны Ушаковой нарисован карандашом автопортрет Пушкина с его монограммой, под которым неизвестной рукой сделана надпись: «Писанный им самим во время горестного его заключения в карантине Гуммранском 1829 г. 28 июля».

Однако возвратимся к событиям русско-персидской войны.

Главнокомандующий Кавказской армией генерал Ермолов и его помощник генерал Мадатов быстро приняли меры к приостановлению продвижения персов и выработали план разгрома врага. Активное участие в боях принял 41 Егерский полк под командованием полковника Авенариуса,¹ в июне включился в военные действия Нижегородский драгунский полк, где служили брат поэта Лев Сергеевич, один из самых близких друзей поэта Н. Н. Раевский (младший) и сосланные декабристы; с сентября 1826 года в персидской войне участвовал близкий друг Пушкина, герой Отечественной войны, поэт-партизан, генерал-майор Денис Васильевич Давыдов, сыгравший большую роль в изгнании персов из пограничных с Эриванским ханством районов. Давыдов оставил любопытные записки и поэтические отклики на эту войну.

В автобиографической записке Д. Давыдов писал: «... в десять дней Давыдов за Кавказом. Еще несколько дней, и он с отрядом своим за Безобдалом, в погоне за неприятелем, отступающим от него по Бамбакской долине. Наконец еще одни сутки, и он близ заоблачного Алагёза поражает четырехтысячный отряд известного Гасан-хана, принудив его бежать к Эриванской крепости, куда спешит и сам сардар эриванский с войсками своими от озера Гохчи. Тут открывается глазам Давыдова Арарат в полном блеске, в своей снеговой одежде, с своим голубым небом и со всеми воспоминаниями о колыбели рода человеческого».²

В первый же год войны (1826) русские войска при содействии местного населения вытеснили персов за пределы Закавказья. Блестящие победы одержали русские войска при Шамхоре и Елизаветполе (1826). Героем Шамхорской битвы, в которой русский отряд разбил впятеро сильнеешего неприятеля, был Мадатов, общий любимец Кавказской армии, о храбрости и смелости которого было сложено множество рассказов. Как только солдаты узнали о назначении Мадатова начальником передового отряда, ими овладел восторг. «Ну,

¹ Авенариус Александр Андреевич — член Союза благоденствия, но после 1821 года от участия в тайных обществах уклонился.

² Д. Давыдов. Полное собрание стихотворений. Л., 1933, стр. 62.

славу богу, — говорили они между собой, — едет Мадатов! Теперь персианам шабаш!». Особенно же любили Мадатова нижегородцы, и от брата Льва Сергеевича Пушкин мог узнать о действиях храброго генерала-армянина. Несомненно, знал поэт и о Елизаветпольской битве, в которой отличился Нижегородский драгунский полк, где служили позже брат и друзья поэта. Победа была торжественно отпразднована в Петербурге, где по улицам при звуках труб церемониально провозили отбитые у врага знамена, отправленные затем в дар Москве. Впечатление, произведенное Елизаветпольской победой, было таково, что «... даже и в самой Персии сочиняемы были песни в честь победителей, и подвиги князя Мадатова так воспламеняли воображение туземных бардов, что он представляется в этих песнях грозным карателем, — призраком, являвшимся внезапно и повсюду для поражения персиян».¹

Успехи русского оружия широко освещались в современной Пушкину печати. Но в частных письмах к родным в Петербург и Москву с фронта военных действий находили себе место описания будней Кавказской армии, всего того, что старательно вычеркивалось цензурой, но, несмотря на это, пройдя все рогатки, становилось общеизвестным.

Елизаветпольская победа была приписана новому главнокомандующему, царскому любимцу Паскевичу, заменившему Ермолова. И тут нужно заметить, что мнение, сложившееся в русском обществе о Паскевиче, было явно отрицательным, прямо противоположным официальному.

Было известно, что головокружительная карьера Паскевича началась после поражения восстания 14 декабря 1825 года, когда он участвовал в качестве члена в Верховном уголовном суде над декабристами. Будучи назначен помощником Ермолова, Паскевич начал с интриг, привлекая к доносам сомнительных лиц. Лучше всего характеризует Паскевича то, что он вел два дневника: один для Ермолова, другой, секретный, для царя, помещая в нем сообщения, противоположные тем, которые были в первом.

Что Пушкин хорошо знал истинное лицо Паскевича и характер его деятельности с первых же шагов его на посту главнокомандующего, об этом говорит письмо Пушкина к брату от 18 мая 1827 года: «Кончилась ли у вас война? видел ли ты Ермолова, и каково вам после его?» — спрашивает поэт (XIII, 330).

¹ В. Потто. Кавказская война, т. III, вып. 1, изд. 2-е, СПб., 1888, стр. 176.

А при Паскевиче для солдат и офицеров Кавказской армии наступили, действительно, плохие времена. Новый главнокомандующий начал свою деятельность с выражения страшного недовольства состоянием армии: ему не понравилось обмундирование и отсутствие фронтальной выправки у солдат, а также некий дух «вольнодумства». В своем письме царю Паскевич писал: «Слепое повиновение им не нравится, они к этому не привыкли».¹

В своем стремлении все делать по-своему Паскевич доходил до явного самодурства, причем самодурство в нем сочеталось с полным отсутствием полководческих данных. Так, когда персы приближались к Елизаветполю, то, как писал позже Д. Давыдов, Паскевич, увидев перед собой тяжелую массу надвигавшейся персидской конницы, решил отступить; только настоянния Мадатова и Вельяминова заставили его принять сражение, закончившееся блестящей победой русских войск.

Паскевич добился того, что герой побед над персами Мадатов вынужден был уступить свое место генералу Панкратьеву, о котором Д. Давыдов писал, что он давно просился в обер-полицмейстеры. Затем были устранены и другие талантливые военачальники, в том числе Д. Давыдов.

Верный своей двурушнической натуре, Паскевич в своих приказах благодарил Мадатова и Вельяминова и в то же время забрасывал их грязью в письмах к царю. Это делалось не только в отношении отдельных лиц, но и всей Кавказской армии. Так, в приказе он превозносил нижегородцев за то, что они отличились в Елизаветпольской битве, а в письме к Николаю I писал, что насилу сдвинул их с места, что они не стойки в бою и пр. Даже такой официозный историк, как В. Потто, и тот отмечает, что «вся история Елизаветпольской битвы показывает, сколько намеренной несправедливости и неблагодарности в донесениях Паскевича, уже самих по себе, впрочем, нелогичных и странных, вызывающих недоумение и вопрос: каким же образом столь нестойкие и неустроенные войска могли нанести такое полное поражение вдесятеро сильнейшему врагу?».²

Естественно, что и отношение войска и офицеров к Паскевичу было не только холодно сдержанным, но доходило и до ненависти к нему. Так уже с первых шагов деятельности нового главнокомандующего определилась вся дальнейшая линия его поведения: замалчивание и охаивание неугодных людей,

¹ «Русская старина», 1872, т. V, май, стр. 723.

² В. Потто. Кавказская война, т. III, вып. 2, изд. 2-е, СПб., 1888, стр. 185.

особенно тех, кто имел какое-либо касательство к тайным обществам, и неимоверное возвеличивание самого себя. Подозрительный, грубый, не брезгавший ничем, он добивался изгнания неугодных ему людей.

Анализ действий Паскевича во время русско-персидской и русско-турецкой войн показывает, что персидскую кампанию Паскевич провел по плану, составленному Ермоловым, что Паскевич чаще мешал своим подчиненным, чем помогал им и руководил ими как главнокомандующий. Не даром В. Потто, характеризуя Паскевича как военачальника, говорит, что он принадлежал к тем баловням судьбы, которым все дается без усилий, что вся его деятельность является сочетанием счастья со счастливыми случаями. Мы бы сказали, что этими так называемыми «счастливыми случаями» Паскевич был обязан тому, что под его начальством служил ряд весьма талантливых военачальников, что он командовал славной русской армией, пользовавшейся любовью и поддержкой местного населения.

Свое «Путешествие в Арзрум» Пушкин опубликовал как ответ французскому дипломатическому агенту на Востоке В. Фонтанье, написавшему книгу «Путешествие на Восток, предпринятое по повелению французского правительства», полную небылиц и злостных нападок на Россию и русскую армию.

Пушкин в «Путешествии в Арзрум» решительно отверг попытку «господина купеческого консула» принизить историческое значение успехов русского оружия в войнах на Востоке, а также и другие его клеветнические измышления. Но одного Пушкин не опровергал — военной бездарности Паскевича.

Как известно, предисловие к «Путешествию» имеет четыре варианта — три рукописных и первопечатный текст «Современника». В тексте «Современника» и цензурном предпечатном варианте Пушкин вынужден был изъять скрытую критику стратегического плана Паскевича в русско-турецкую войну. «Я не вмешиваюсь в военные суждения, — писал Пушкин, — это не мое дело. Может быть, смелый переход через Саган-Лу, движение, коим граф Паскевич отрезал Сераскира от Османа-паши; поражение двух неприятельских корпусов в течение одних суток; быстрый поход к Арзруму; углубление нашего пятнадцатитысячного войска в неприятельскую землю на расстоянии пятисот верст, оправданное полным успехом; все это, может быть, в глазах военных людей, чрезвычайно забавно».

Последняя фраза давала повод признать в чем-то правым В. Фонтанье. Поэтому Пушкин переработал ее, включив

в фразу иронический выпад против французского дипломатического шпиона: «... все это, увенчанное полным успехом, может быть, и чрезвычайно достойно посмеяния в глазах военных людей (каковы, например, г. купеческий консул Фонтанье, автор путешествия на Восток)...» (VIII, 1026, 444).

Однако не в оправдании действий Паскевича видит свою цель Пушкин. И в «Предисловии», и в дальнейшем изложении Пушкин в меру цензурных возможностей сам иронически изображает превозносимого царем и придворной кликой Паскевича, отвергая в то же время полностью клевету В. Фонтанье на русскую армию и на значение ее побед.

Первая глава «Путешествия» начинается с описания встречи с Ермоловым, ради чего Пушкин делает крик в «двести верст лишних». Ермолов в глазах общества принадлежал к числу лиц, оппозиционно настроенных; он был одним из ярких противников Паскевича и пользовался известной популярностью среди декабристов. Отметив исключительно любезный прием Ермолова, Пушкин в заключение говорит о том, что «о правительстве и политике не было ни слова».

О чем же шел разговор в течение тех двух часов, которые Пушкин провел у Ермолова?

«Несколько раз принимался он говорить о Паскевиче и всегда язвительно, говоря о легкости его побед, он сравнивал его с Навином, перед которым стены падали от трубного звука, и называл графа Эриванского графом Ерихонским. „Пускай нападает он“, говорил Ермолов, „на пашу не умного, не искусного, но только упрямого, например на пашу начальствовавшего в Шумле — и Паскевич пропал“. Я передал Ермолову слова гр. Толстова, что Паскевич так хорошо действовал в персидскую кампанию, что умному человеку осталось бы только действовать похуже, чтоб отличаться от него. Ермолов засмеялся, но не согласился. „Можно было бы сберечь людей и издержки“, сказал он. Думаю, что он пишет или хочет писать свои записки. Он недоволен историей Карамзина; он желал бы, чтобы пламенное перо изобразило переход русского народа от ничтожества к славе и могуществу. О записках кн. Курбского говорил он *con amore*.¹ Немцам досталось. „Лет через 50“, сказал он, „подумают, что в нынешнем походе была вспомогательная прусская или австрийская армия, предводительствованная такими-то немецкими генералами“».

¹ с увлечением (итал.).

То, что Ермолов считает победы Паскевича легкими и Пушкин приводит это вслед за тем, что он опровергал в «Предисловии», кажется на первый взгляд противоречивым. На самом деле и здесь продолжена та же линия иронического изображения «героя войны» Паскевича, который в своих донесениях царю всегда и всюду выставлял себя на первый план, приписывал все успехи себе, изображая самые кровопролитные сражения русской армии в виде легких прогулок.

Так, взятие Эриванской крепости было одним из славных дел русской армии и стоило ей многих жертв. Еще в 1804 году Цицианов (тогдашний правитель Кавказа и главнокомандующий армией) сделал первую попытку овладеть Эриванской крепостью, но, понеся потери в людях, вынужден был отступить перед превосходящими силами противника. Не принес удачи русской армии и второй поход к Эривани в 1808 году, совершенный Гудовичем, заменившим на посту главнокомандующего Цицианова. Только в военную кампанию 1826—1828 годов русской армии удалось после ожесточенных боев взять крепость. Семь дней продолжался штурм города, семь дней шли непрерывные атаки русской пехоты, связанные с большими потерями в людях. В период штурма Эриванской крепости Паскевич приказал «...командировать в траншеи <по которым персы вели адский огонь> на все время, беспрерывно, всех офицеров, посланных на службу в кавказский корпус для наказания, и всех разжалованных из офицеров...»,¹ а сводный гвардейский полк, сформированный из солдат лейб-гвардии Московского и Гренадерского полков, участвовавших в восстании 14 декабря 1825 года, и особый отряд из нижегородцев назначил для штурма крепости. В ходе боевых действий на самые опасные участки посылались сосланные декабристы. Так, когда возникла необходимость взорвать контр-эскарп и завалив им ров, идти прямо на крепость, туда были брошены декабристы; когда потребовались точные сведения о глубине и ширине крепостного рва, туда был послан декабрист А. Ф. Багговут с двумя солдатами, из которых один был убит, а Багговут и другой солдат тяжело ранены. Действиями саперов руководил декабрист М. И. Пущин. Когда Паскевич, испугавшись огня персов, дал приказ бросить работу по подведению летучей сапы к крепости, Пущин отказался подчиниться и, уговорив Паскевича, довел до конца сапу, дав возможность штурмующим ворваться в город. Первыми в город проникли гвардейцы, грудью про-

¹ В. Пестто. Кавказская война, т. III, вып. 3, 1888, стр. 509.

кладывая дорогу остальным, причем Паскевич, как вспоминал позднее Пущин, узнал о взятии Эривани много спустя, когда бой был уже закончен и над крепостью развевалось победное русское знамя. Выполняя волю царя, Паскевич безжалостно посылал на прямую смерть сосланных декабристов, находившихся в Кавказском корпусе. Их кровью была куплена победа, присвоенная Паскевичем.

А в своем приказе по поводу взятия Эривани Паскевич представил дело так, что то, что не удавалось Цицианову или Гудовичу, ему, благодаря блестящему руководству войсками и стратегическому таланту, удалось осуществить чрезвычайно легко. Паскевич писал, что в четыре дня был взят Сардар-Абад, в шесть — Эривань, «... та знаменитая твердыня, которая слыла неприступным оплотом Азии. Целые месяцы ее прежде осаждали, и в народе шла молва, что годы нужны для ее покорения»,¹ а перед ним Эривань пала в неделю.

Это самовозвеличение Паскевича давало повод врагам России, вроде В. Фонтанье, принижать значение побед русской армии, героизма ее солдат и офицеров, понесенных ею жертв и в то же время выставляло Паскевича как великого полководца, побеждавшего врага одним мановением руки. Над этим бахвальством Паскевича и иронизировал Ермолов, обвиняя его в то же время в том, что его победы дорого обошлись России, с чем Пушкин был вполне согласен.² В предисловии к «Путешествию» Пушкин критиковал стратегический план турецкой кампании, выработанный самим Паскевичем; передавая же слова гр. Толстова, Пушкин подчеркивал, что в персидскую войну Паскевич действовал по уже готовому, выработанному Ермоловым и Мадатовым плану, по которому «умному человеку осталось бы только действовать похуже, чтобы отличаться от него».

Приведенный выше разговор с Ермоловым свидетельствует, во-первых, о глубоком знании Пушкиным событий недавно закончившейся русско-персидской войны, об интересе его к русско-турецкой войне, ради чего он и сделал лишних двести верст и навестил Ермолова; во-вторых, о том, что, хотя Пушкин и оговаривается, что о правительстве и политике в беседе с Ермоловым не было ни слова, все содержание беседы, —

¹ В. Потто, ук. соч., стр. 517.

² Между прочим, поводом для шутки Ермолова, назвавшего Паскевича графом Ерихонским, могло послужить то, что после взятия Эривани Паскевич устроил молебствие и приказал всей осадной артиллерии дать залп в честь победы. От залпа часть Эриванской стены рухнула, увлекши за собой в ров многих жителей, наблюдавших за торжествами.

начиная с критики Паскевича, как полководца, и кончая разговором о засилии немцев в командовании армии, — было связано с животрепещущими вопросами жизни страны.

Позже, когда Погодин пытался узнать у Ермолова о предметах разговора с Пушкиным, Ермолов категорически отказался говорить на эту тему. В письме к Д. В. Давыдову Ермолов писал: «Был у меня Пушкин. Я в первый раз видел его и, как можешь себе вообразить, смотрел на него с живейшим любопытством. В первый раз не знакомятся коротко, но какая власть высокого таланта! Я нашел в себе чувство, кроме невольного уважения».¹

Прибыв на место военных действий, Пушкин еще раз убедился в том, насколько прав был Ермолов в своей оценке Паскевича. И он сам дает вновь резкую критику плана Паскевича, развивая мысль, высказанную в «Предисловии»:

«19 июля пришед проститься с графом Паскевичем, я нашел его в сильном огорчении. Получено было печальное известие, что генерал Бурцов был убит под Байбуртом. Жаль было храброго Бурцова, но это происшествие могло быть гибельно и для всего нашего малочисленного войска, зашедшего глубоко в чужую землю и окруженного неприязненными народами, готовыми восстать при слухе о первой неудаче».

Расходясь с Ю. Тыняновым в оценке «Путешествия» в целом, следует согласиться с его мнением относительно того, что изображение Паскевича в «Путешествии» дано в ироническом плане. Пушкин почти всюду заменил имя Паскевича словом «граф». Ирония Пушкина достигает особой остроты в изображении Паскевича во время боя. В реляции Паскевича сказано: «...еще несколько ядер с городских батарей пронесли мимо меня; депутаты сами просили меня, огнем наших орудий привести в покорность сих мятежников...» и т. д.² В «Путешествии»: «...ядра полетели к Топ-Дагу. Несколько их пронесли над головою графа Паскевича... Генералы подъехали к графу, прося позволения заставить молчать турецкие батареи». Пушкин отмечает: о поражении неприятеля в сражении 19 июня 1829 года Паскевич узнает от Раевского; день похода к Арзруму Паскевич назначает в именины Николая I, очевидно, руководствуясь не тем, чтобы выиграть войну, а тем, чтобы угодить царю, и т. д.

Ироническое изображение имеет у Пушкина острый социально-политический смысл. Однако анализ «Путешествия

¹ «Старина и новизна», кн. 22, 1917, стр. 38.

² «С.-Петербургские ведомости», 1829, 26 июля. Прибавление к № 89.

в Арзрум» показывает, что самое существенное — беспримерный героизм русской армии, сосланных декабристов, факты помощи народов Закавказья, в том числе и армян, русским воинам — Пушкин описывал с исключительным сочувствием и вниманием.

Не Паскевич, а ссыльные декабристы были фактическими организаторами побед русской армии в русско-персидской и русско-турецкой войнах. Надо восстановить историческую правду и со всей определенностью заявить, что не Николаю I и Паскевичу обязан армянский народ своим освобождением от кровавого персидско-турецкого ига, а героизму, доблести сосланных декабристов — офицеров и солдат — лучших сынов великого русского народа.

5

Даже такой официозный историк, как В. Потто, и тот вынужден был в своей многотомной «Кавказской войне» признать исключительные заслуги ссыльных декабристов или причастных к декабризму лиц — Н. Н. Раевского, И. Гр. Бурцова, В. Д. Вольховского, М. И. Пущина и многих других — в этих важных для России войнах. Остановимся вкратце на характеристике некоторых из них.

Арестованный за принадлежность к тайному обществу Н. Н. Раевский (младший) был сослан на Кавказ, но так отличился в войнах с Персией и Турцией, что в 26 лет получил чин генерала и боевые награды. Нижегородский драгунский полк, которым с ноября 1826 года командовал Н. Раевский, принял самое активное участие во всех боях за освобождение Армении от персидского ига. Так, при взятии крепости Аббас-Абад и в Джеванбулакском бою успешные действия командира нижегородцев Н. Н. Раевского обеспечили победу русской армии над армией наследного принца Персии Аббас-Мирзы.

Вот что рассказывает о Джеванбулакском сражении В. Потто:

«Предводимые двумя храбрейшими штаб-офицерами, полковником Раевским и князем Андрониковым, 3-й эскадрон, капитана Семичева,¹ и 4-й, штабс-капитана Эссена, понеслись

¹ Капитан Семичев Николай Николаевич — декабрист, после 6-месячного заключения был переведен на Кавказ в действующую армию. С отличием участвовал в персидской и турецкой кампаниях.

прямо туда, где развевалось знамя наследного персидского принца. У подножия высокого холма, занятого блестящею свитой, драгуны моментально спешились — и бросились вперед. Поручик Левкович, под которым была убита лошадь, изрубил байрактара и вырвал из рук его знамя, на котором красовалась надпись «победное». Все это произошло так быстро, что Аббас-Мирза сам очутился лицом к лицу с драгунами; он почти в упор выстрелил из ружья, и едва-едва успел ускакать; но ружье, еще дымившееся выстрелом, и оруженосец, возивший его за наследником, — остались в руках победителей».¹

В этом сражении нижегородцам пришлось выдержать главную атаку персидских войск. И здесь отличился брат Пушкина Лев Сергеевич, который в чине юнкера был ординарцем при Н. Н. Раевском, попевавшем со своими нижегородцами всюду. В своем первом бою Лев Сергеевич показал безупречное хладнокровие и храбрость, заслужив на полях Джеванбулака свой первый офицерский чин.

Крупную роль сыграл Н. Н. Раевский также при взятии Эривани и осаде Карса, как и в штурме Акалкалаки, Хервиса, Арзрума. Можно смело заявить, что успешные действия в персидской и турецкой кампаниях во многом обусловлены действиями сперва командира полка, а затем и всей кавалерии корпуса Н. Н. Раевского.

И. Г. Бурцов — с 1817 года член Союза благоденствия. С Бурцовым Пушкин был знаком еще в лицейские годы. Бурцов был привлечен по делу 14 декабря. После заточения в Петропавловскую крепость был отрешен от должности командира полка и переведен в 1827 году на Кавказ. На Кавказе Бурцов участвовал в обеих военных кампаниях. Находясь всегда на самых опасных боевых участках, проявляя высокие боевые качества, Бурцов оказывал значительное влияние на успешный ход войны. Так, когда русские войска должны были штурмом взять крепость Ахалцих с 15-тысячным гарнизоном, о неприступности которой турки говорили: «Прежде надо снять месяц с неба, а потом уже луну с Ахалцихской мечети», И. Бурцов, встав на место убитого в бою командира Ширванского полка, повел войска на штурм и после тяжелого, кровопролитного боя занял крепость. Только после того, как над цитаделью взвился русский флаг, в крепость въехал Паскевич со своей свитой.

Бурцову принадлежит честь первых побед в турецкой войне — взятие Дигура и Чаборио. А в походе на Арзрум

¹ В. Потто. Кавказская война, т. III, вып. 3, 1888, стр. 356.

искусный маневр Бурцова и вынесенная им вся тяжесть боя 19 июня (свидетелем которых был Пушкин) дали возможность русской армии занять Арзрум. Декабристу Бурцову, героически погибшему в Арзрумском походе, был воздвигнут памятник в Гори, вещь неслыханная в пору николаевской реакции.

Во время боев в Карабахе зимой 1826 года и весной 1827 года одним из наиболее популярных военачальников был подполковник А. М. Миклашевский, ранее арестованный по делу 14 декабря. После 6-месячного содержания в крепости он был переведен в 42 Егерский полк на Кавказ, с этим полком участвовал в походах Ермолова, Мадатова, Паскевича, отличился при штурме Карса и был произведен в полковники. Об одном из сражений, в котором участвовали Миклашевский и другие декабристы, с особым уважением говорит Мадатов: 19 апреля 1827 года Миклашевский с ротой егерей штурмовал переправу на Араксе; 7 человек из разжалованных в рядовые декабристов — Окулов, Веденяпин 2-й, Зубов, Рудницкий, Ляшковский, Титов, Фитиолин — стали впереди охотников и грудью проложили дорогу войскам.

Член Союза благоденствия с 1818 года, В. Д. Вольховский, лицейский товарищ Пушкина, не раз воспетый им в знаменитых лицейских строфах, в 1826 году был переведен на Кавказ. Он выполнял важнейшие дипломатические поручения в войне с Персией; во время турецкой кампании занимал должность корпусного обер-квартирмейстера, пользовался в армии значительным влиянием благодаря своим большим заслугам.

А. П. Веденяпин 2-й — декабрист, осужденный по IX разряду, лишенный чинов с отдачей в солдаты. В январе 1827 года прибыл на Кавказ и за отличия в сражениях против персов и турок произведен был в унтер-офицеры.

Н. В. Всеволожский — друг молодости Пушкина, основатель общества «Зеленая лампа», один из активных деятелей по развитию промышленности, сельского хозяйства и культуры во вновь присоединенных к России областях Закавказья.

Можно назвать имена многих других сосланных декабристов, привести примеры боевых действий, говорящие об их исключительной роли в войнах по присоединению Закавказья, и в частности Армении, к России, в подъеме разоренной веками персидской и турецкой тирании страны. Однако ограничимся одним примером.

Разжалованный в рядовые брат близкого друга Пушкина, декабриста И. И. Пущина, декабрист Михаил Иванович Пущин участвовал в осаде Аббас-Абада, Сардар-Абада и Эри-

вани, был одним из самых деятельных участников обеих кампаний. Героизм его был так очевиден, что даже Паскевич вынужден был отметить, что «русские многим обязаны тогда были энергии Пущина, который сумел поставить свое имя в ряду самых выдающихся деятелей персидской и последовавшей за нею турецкой войны».

Десятки раз останавливается на действиях рядового М. И. Пущина генерал-лейтенант В. Потто в своей «Кавказской войне», отмечая каждый раз его исключительные заслуги. Он пишет, что благодаря Пущину был решен вопрос об осаде Эривани, что Пущин составил и осуществил план осады города; что трое рядовых — декабристы Пущин, Коновницын и Дорохов — своими действиями обеспечили взятие Сардар-Абада.

Потто приводит и другой интересный факт: при штурме Аббас-Абада между рядовым Пущиным и инженер-полковником Литовым возникли серьезные разногласия по вопросу осадных работ. «Батареи, предложенные Пущиным, громили бы крепость свободно, а орудия, поставленные Литовым, не могли действовать, потому что стали бы стрелять по своим батареям, расположенным на левом фланге осады. Тогда... Паскевич... сказал Литову: „Я мог бы тебя сделать солдатом, но не хочу, а его <Пущина> я хотел бы произвести в полковника, но не могу. А вот что я могу: от сего числа не ты у меня начальник инженеров, а он, и все распоряжения его должны исполняться беспрекословно«».¹

Но это были лишь слова. Отношение Паскевича к Пущину было насквозь лицемерным: герой русско-персидской войны был только произведен в унтер-офицеры.

Наконец, при осаде Карса в турецкую войну Пущин, разведывая местность под выстрелами врага, под угрозой захвата его рыскавшими кругом турецкими разъездами, образцово выполнил свое задание. Муравьев (Карский), бывший свидетелем этого подвига, представил Пущина к ордену Георгия 4-й степени. Но Пущину, как выслужившемуся декабристу, это отличие удалось получить только почти 30 лет спустя после описанного события.

Безусловно, о делах разжалованных декабристов, об их роли в войне Пушкин знал, еще находясь в Петербурге, из писем брата, Раевского, друзей, из рассказов лиц, побывавших на фронте, а на театре военных действий Пушкин вочию увидел, кому была обязана Россия славой побед в эту войну.

¹ В. Потто. Кавказская война, т. III, вып. 3, 1888, стр. 347.

Восстанавливая истину, Пушкин вновь выразил свою преданность освободительным идеям. «Путешествие в Арзрум» имеет важное значение для изучения идейной биографии Пушкина.

Повествование о военных событиях в «Путешествии в Арзрум» начинается с третьей главы. Пушкин прибыл в русский лагерь 13 июня, в день, когда войска получили приказ выступить к Арзруму: «Обедая у Раевского, слушал я молодых генералов, рассуждавших о движении им предписанном. Генерал Бурцов отряжен был влево по большой Арзрумской дороге прямо противу турецкого лагеря, между тем как все прочее войско должно было идти правой стороною в обход неприятелю». В ночь того же дня Пушкин в штабе Паскевича встретился со своими друзьями — сосланными декабристами. «Здесь увидел я нашего Вольховского, запыленного с ног до головы, обросшего бородой, изнуренного заботами. Он нашел однако время побеседовать со мною как старый товарищ. Здесь увидел я и Михаила Пуцина, раненого в прошлом году. Он любим и уважаем как славный товарищ и храбрый солдат. Многие из старых моих приятелей окружили меня. Как они переменились! как быстро уходит время!».

Войско в походе. Совершен, как писал Пушкин в своем предисловии, «смелый переход через Саган-Лу», коим сераскир был отрезан от Осман-паши. Этот смелый переход, пишет Пушкин, был совершен благодаря удачным действиям Бурцова.

Началась перестрелка. Пушкин с декабристом Семичевым, активным участником обеих войн, о котором мы уже говорили, поехали «посмотреть новую для *«него»* картину». В «Путешествии» ничего не говорится об участии Пушкина в перестрелке 14 июня, однако, известно, что Пушкин не остался только в роли зрителя, но сам вмешался в казачью цепь и, схватив пику раненого казака, устремился на турок. Семичев, которому Раевский поручил следить за Пушкиным, зная горячий темперамент поэта, с трудом вывел его из рукопашной схватки. Немало дивились войска, увидев перед собой незнакомого героя в круглой шляпе и в бурке поверх статского сюртука.

О личном участии Пушкина в военных действиях имеются свидетельства в официальной «Истории военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах» генерала Ушакова¹ и в «Записках» М. Пуцина. Имеется и собственноручный

¹ Н. Ушаков. История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах, ч. II, СПб., 1836, стр. 305—306

рисунок Пушкина в альбоме Е. Н. Ушаковой, где Пушкин изобразил себя на коне, с пикой, в круглой шляпе и бурке.

Описывая эту перестрелку, Пушкин разоблачает лживую информацию Паскевича о «легких победах». «Мы встретили раненого казака: он сидел, шатаясь на седле, бледен и окровавлен. Два казака поддерживали его. „Много ли турков?“ — спросил Семичев. — „Свиньем валит, ваше благородие“, отвечал один из них. Проехав ущелие, вдруг увидели мы на склоне противоположной горы до 200 казаков, выстроенных в лаву, и над ними около 500 турков. Казаки отступали медленно; турки наезжали с большею дерзостью, прицеливались шагах в 20, и выстрелив, скакали назад. Их высокие чалмы, красивые долиمانы и блестящий убор коней, составляли резкую противоположность с синими мундирами и простою сбруей казаков. Человек 15 наших было уже ранено. Подполковник Басов послал за подмогой. В это время сам он был ранен в ногу. Казаки было смешались. Но Басов опять сел на лошадь и остался при своей команде. Подкрепление подоспело. Турки, заметив его, тотчас исчезли, оставя на горе голый труп казака, обезглавленный и обрубленный. Турки отсеченные головы отсылают в Константинополь, а кисти рук, обмакнув в крови, отпечатлевают на своих знаменах. Выстрелы утихли. Орлы, спутники войск, поднялись над горою, с высоты высматривая себе добычу».

Возвратившись в лагерь, Пушкин увидел раненых русских солдат, из которых пять человек умерло в ту же ночь и на другой день. 19 июня произошла атака корпуса сераскира — один из решающих боев во всей турецкой кампании. В сражении была разбита тридцатитысячная армия турок. Кто же были главными героями этого сражения в описании Пушкина? «Турки обходили наше войско, отделенное от них глубоким оврагом. Граф послал Пущина осмотреть овраг. Пушин поскакал. Турки приняли его за наездника и дали по нем залп». Левым флангом, где «происходило жаркое дело», командовал Бурцов. В центре стоял Раевский. «Перед нами (противу центра) скакала турецкая конница. Граф послал против нее генерала Раевского, который повел в атаку свой Нижегородский полк. Турки исчезли. Татары наши окружали их раненых и проворно раздевали, оставляя нагих посреди поля. Генерал Раевский остановился на краю оврага. Два эскадрона, отделясь от полка, занеслись в своем преследовании; они были выручены полковником Симоничем».

Около 6 часов Паскевич дал приказ вновь атаковать турок. Конница, которой командовал Раевский, была впереди. Пуш-

кин пишет: «Поминутно лошадь моя могла упасть, и тогда «сводный» уланский полк переехал бы через меня». Но даже одно упоминание о сводном уланском полке, составленном из частей, принимавших участие в декабрьском восстании, по цензурным соображениям, и в белой рукописи «Путешествия» и в напечатанном тексте «Современника» было заменено тремя звездочками.

20 июня — сражение с Гаки-пашею. «Я поехал было за Нижегородским полком, но лошадь моя хромала. Я отстал. Мимо меня пронесся Уланский полк. Потом Вольховский проскакал с тремя пушками. Я очутился один в лесистых горах. Мне попался на встречу драгун, который объявил, что лес наполнен неприятелем. Я воротился. Я встретил генерала Муравьева с пехотным полком. Он отрядил одну роту в лес, дабы его очистить». Опять-таки герои этого сражения — сводный уланский полк, Нижегородский полк, Вольховский, Раевский, Муравьев (Карский).

Пушкин пробыл в действующей армии месяц с лишним, проводя большую часть времени с Н. Раевским, живя у него в палатке. Здесь чаще всего происходили встречи поэта с сосланными друзьями-декабристами, его беседы с ними, о чем он сам несколько раз упоминает в «Путешествии».

У нас нет сведений, о чем говорил Пушкин с друзьями в палатке Раевского, но известно, что вслед за отъездом Пушкина, в конце 1829 года Раевский был подвергнут аресту за «предосудительные сношения» с сосланными декабристами, против него было возбуждено дело, завершившееся его отзывом из Кавказского корпуса. Очевидно, в результате этих бесед Пушкин был полностью осведомлен о событиях войны; это позволило ему правдиво рассказать о военных подвигах сосланных декабристов, об их огромной роли в одержанных русской армией победах.

Таким образом, в «Путешествии в Арзрум» великий поэт в нарочито спокойном, эпическом тоне, где намеками, а где и прямо, рассказал о том, что упорно замалчивалось официальной печатью: о героизме декабристов, выполнивших в Армении великую историческую миссию русского народа — освобождение армян от персидского и турецкого ига.

6

В своем «Путешествии» Пушкин увидел и других героев войны — местных жителей: армян, грузин, азербайджанцев, принимавших самое активное участие в боевых операциях.

оказывавших самую действенную помощь русской армии, с радостью и ликованием встречавших русских солдат.

В действующей русской армии были талантливые военачальники из армян, грузин и азербайджанцев. К числу их принадлежал великий грузинский поэт, генерал-майор Александр Гарсеванович Чавчавадзе — первый начальник вновь присоединенной к России Армянской области.

О нем Пушкин знал не только потому, что на дочери А. Чавчавадзе — Нине был женат А. С. Грибоедов («Приехал в Грузию, — пишет Пушкин в «Путешествии в Арзрум» о Грибоедове, — женился он на той, которую любил»), а и потому, что тот был одним из героев войны. Имя его упоминается Пушкиным среди выдающихся генералов отдельного Кавказского корпуса. А. Чавчавадзе принял деятельное участие во всей персидской кампании. В русско-турецкую войну небольшими силами он завоевал Баязетский пашалык, присоединив к России один из богатейших районов Восточной Армении. Имеются известия о том, что Пушкин познакомился лично с А. Чавчавадзе и другим выдающимся грузинским поэтом Григорием Орбелиани в бытность свою в Тифлисе, когда в честь Пушкина местной интеллигенцией был устроен праздник.

В штабе Паскевича Пушкин познакомился с крупным азербайджанским писателем, деятельным участником войны Абас Кули-Ага Бакихановым.

В обеих военных кампаниях приняли участие отряды из местных жителей, сражавшихся против персидских и турецких захватчиков. Так, из добровольцев-армян были составлены во время персидской войны три добровольческих отряда, причем численность первого отряда доходила до тысячи человек. Их роль была тем значительнее, что русская армия на Кавказе испытывала все время недостаток в людях.

Имеется много фактов, говорящих о том, что добровольческие отряды своим участием в военных действиях оказали существенную помощь русской армии. Их были десятки и сотни, о них писали тогда в петербургских, московских и тифлиссских газетах, им отводили десятки страниц в книгах по истории Кавказской войны. Многие из местных жителей — армян, грузин, азербайджанцев — были награждены орденами и медалями за героические подвиги. Их имена и описание их подвигов становились достоянием широких кругов русских читателей (о каждом награжденном сообщалось в «Русском инвалиде»). Так, при приближении русских войск к Эчмиадзину распространился слух об отступлении персов и для про-

верки этого был послан армянин Оганес Асланянц, который по дороге попал в руки персов. Несмотря на пытки (юноше отрезали нос и язык, выкололи глаза), он ничего не выдал врагам. Персы бросили окровавленного, полуживого юношу в поле. Оганес Асланянц ползком добрался до Эчмиадзина и выполнил задание. Он был награжден золотой медалью. При взятии каждого города, каждой крепости население, рискуя жизнью, содействовало русским. Это было и при взятии Эривани и при штурме Карса и Арзрума.

В «Путешествии в Арзрум» нашло свое отражение и дружественное отношение закавказских народов к России, видевших в русском народе своих избавителей от ужасов персидского и турецкого гнета, а также храбрость, смелость местных жителей, оказывавших русской армии всяческую помощь, наконец, Пушкин отметил участие в войне национальных отрядов.

Въехав в пределы Армении, Пушкин увидел, что «дорога всё была одна и совершенно безопасна»; он указывает на дружеское отношение армян к русским. Все тут было иначе, нежели на Военно-грузинской дороге, где из-за враждебности чеченцев и ингушей путников на каждом шагу подстерегала опасность.

В армянской деревне его угостили сыром и молоком, а в Карсе Пушкин был гостеприимно принят армянской семьей. «В комнате, убранной низкими диванами и ветхими коврами, сидела старуха... Она подошла ко мне и поцаловала мне руку. Сын велел ей разложить огонь и приготовить мне ужин. Я разделся и сел перед огнем. Вошел меньший брат хозяина, мальчик лет семнадцати. Оба брата бывали в Тифлисе и живали в нем по несколько месяцев. Они сказали мне, что войска наши выступили накануне, и что лагерь наш находится в 25 верстах от Карса. Я успокоился совершенно. Скоро старуха приготовила мне баранину с луком, которая показалась мне верхом поваренного искусства. Мы все легли спать в одной комнате; я разлегся противу угасающего камина, и заснул в приятной надежде увидеть на другой день лагерь графа Паскевича». Наутро вместе с армянским юношей Пушкин отправился осматривать город. «Осматривая укрепления и цитадель, выстроенный на неприступной скале, я не понимал каким образом мы могли овладеть Карсом. Мой армянин толковал мне как умел военные действия, коим сам он был свидетелем».

Известно, что при штурме Карса большую помощь русской армии оказали армяне — жители города. Повсюду при штурме

Карса, как пишет В. Потто, «повторялись одни и те же сцены.. Армяне помогали русским солдатам взбираться на стены».¹ Об этом свидетельствует и генерал Н. Ушаков: «Карсские армяне, принужденные часто противоборствовать насилью и алчности турок, сохранили еще вполне браннолюбивые свойства и мужество прочих обитателей Азии. Благоприятствуя России по сближению вер, они с полным восторгом встретили воинов наших и, признательные потом к ласкам и доброму с ними обращению, составили из среды себя по назначению графа Эриванского, конную и пешую милицию, простиравшуюся до нескольких сотен и служившую обыкновенно для содержания пограничных в пашалыке караулов».²

Также дружелюбно армяне встречали русские войска при взятии Арзрума, чему свидетелем был сам Пушкин: «... мы въехали в город, представлявший удивительную картину. Турки с плоских кровель своих угрюмо смотрели на нас. Армяне шумно толпились в тесных улицах. Их мальчишки бежали перед нашими лошадьми, крестясь и повторяя: Христиан! Христиан!.. Мы подъехали к крепости, куда входила наша артиллерия; с крайним изумлением встретил я тут моего Артемия, уже разъезжающего по городу, не смотря на строгое предписание никому из лагеря не отлучаться без особенного позволения».

Пушкин отмечает воинственность армян, рисует замечательный образ юноши-армянина Артемия. «Заметя в нем охоту к войне, я предложил ему ехать со мною в армию. Он тотчас согласился.. Через пол-часа выехал я из Карса и Артемий (так назывался мой армянин) уже скакал подле меня на турецком жеребце, с гибким куртинским дротиком в руке, с кинжалом за поясом, и бредя о турках и о сражениях».

В лагере русских войск Пушкин увидел и национальные воинские части. «Общество наше было разнообразно. В палатке генерала Раевского собирались беки мусульманских полков; и беседа шла через переводчика. В войске нашем находились и народы закавказских наших областей и жители земель недавно завоеванных».

Отряды из жителей местных национальностей, как мы уже отмечали, принимали участие как в русско-персидской, так и в русско-турецкой войне. Они оказали большую помощь рус-

¹ В. Потто. Кавказская война, т. IV, вып. 1, Тифлис, 1887, стр. 63—64.

² «Н. Ушаков». История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах, ч. I, Варшава, 1843, стр. 76—77.

ской армии. Так, Н. Ушаков сообщает, что армяне Карса выставили до 1500 человек вооруженной пехоты и конницы, что «разъездом карсских армян был открыт первоначальный отряд Осман-паши 16 числа»,¹ это дало русским войскам возможность разгромить турок.

И. Ениколофьян утверждает, что во время пребывания Пушкина в действующей армии в боях принимала участие армянская часть — Нахичеванский сарбазский батальон.²

В «Путешествии» Пушкин отмечает турецкие зверства. И, наконец, он подчеркивает тот порядок, то отношение русских солдат к местному населению, которые составляют особенность русского народа: в Арзруме, занятом 10000 войска, «ни один из жителей ни разу не пожаловался на насилие солдата».

Великий гений русского народа дал достойную отповедь французскому дипломатическому шпиону, выступившему с клеветой на русскую армию, призывавшему Персию и Турцию восстановить их кровавое иго над народами Закавказья.

Это была не первая попытка французских и английских колонизаторов, подчинив своему влиянию Персию и Турцию, поддерживать их тиранию в Грузии, Армении и Азербайджане и, обманывая народы Закавказья лицемерными обещаниями о помощи, всячески препятствовать России в освобождении поработенных народов Закавказья. Ответ Пушкина был направлен не только по адресу «господина купеческого консула», но и против клеветы, возводимой на Россию и русскую армию со стороны «невежественной и неблагодарной» Европы. Вместе с тем «Путешествие в Арзрум», вдохновленное страстной любовью поэта к Родине, разоблачает клеветников из среды правящего класса — господ «продажных журналистов» типа Булгарина, которые в своих описаниях войны в «сладких песнях» восхваляли Николая I и Паскевича, замалчивая роль героических сынов русского народа — декабристов и закавказских народов — армян, грузин, азербайджанцев в великом деле освобождения Закавказья от векового персидско-турецкого гнета.

¹ То же, ч. II, 1836, стр. 92.

² И. Ениколофьян. Пушкин в Армении. «Граканютюн ев арвест», 1949, № 6.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ТРУДЫ
ПЕРВОЙ и ВТОРОЙ
ВСЕСОЮЗНЫХ
ПУШКИНСКИХ
КОНФЕРЕНЦИЙ

25-27 АПРЕЛЯ 1949 Г.
и
6-8 ИЮНЯ 1950 Г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА - ЛЕНИНГРАД
1952